

ПРОЛОГ

Домовенок хотел стать человеком. Обычно нелюди о таком не помышляют. Зачем? Ведь живут они куда дольше простых смертных, без проблем и страхов, без кипения чувств и страстей — так, как и полагаются проводить свой долгий век бездушной нежиги. Люди же проживают свой короткий век в трудах и заботах, бурно радуются и мучительно переживают, к чему-то стремятся, чего-то добиваются. Суетно как-то. Поэтому всякой нечисти эти имеющие душу смертные представляются существами неумными, сжигающими самих себя. Однако наблюдать за людьми, ведущими совсем иное существование, духам и иной твари интересно — это их развлекает, вносит в их долгое бесстрастное бытие некую остроту и яркость. Но чтобы кто-то захотел стать человеком... смертным... и исчезнуть так скоро... Даже представить страшно!

И все же Домовенок хотел хоть немного побыть человеком.

Он и сам не мог припомнить, когда у него появилось это желание. Он вообще не очень-то понимал, что значит «давно» и чем оно отличается от «сейчас». Просто с некоторых пор понял — никогда ему не стать настоящим домовым. Ибо у домового должен быть дом, чтобы считать себя полноправным духом. У Домовенка же с этим все время не ладилось. И в нем поселился страх. Вот, наверное, тогда и возникло это желание — стать не просто духом, а немного пожить по-настоящему.

Иначе вообще исчезнешь, так и не поняв, существовал ли ты когда-нибудь.

А ведь как хорошо все начиналось! Пришли люди и поставили на отроге Щекавицы¹ небольшую избушку. Не в самом огороженном частоколом граде на высотах Киева, не на Подоле у Днепра, а именно на хребте горы Щекавица, где пришлым чужакам было дозволено селиться. Вот пришлые и соорудили бревенчатый сруб, сверху кровлю настелили, рядом пристроили небольшую клетушку для инвентаря и десятка кур-несушек. А потом самое главное — принесли в горшке горячих углей, взятых у кого-то из уже живших в округе полян². И как запылал в очаге нового дома свой огонь — Домовенок и появился.

Домовой обычно растет вместе с домом, но никогда не суется на глаза хозяевам. Правда, может показаться хозяйским детям, когда те еще совсем малы, — это духи любят. Нравится им поугадать глупых маленьких человечков, нагнать на них страху. Зайдется вдруг ни с того ни с сего плачем дитенок, взрослые всполошатся, носятся с глуздырем³, укачивают, а домовому веселье. Наблюдает, подхихикивает из подпола. И знает, что младенец ничего объяснить не может. Самих хозяев домовой побаивается и если пакостничает, то только исподтишка. Однако рачительные хозяева, зная, как умаслить домашнего духа, крынку с молоком на ночь оставляют у дверей. Для домового ничего слаще этого нет. Тогда он даже по хозяйству берется помогать — уголек там выпавший из очага затушит, пробравшихся в закрома мышей отпугнет, пыль сдует с притолоки.

Но в недавно построенном у Щекавицы доме Домовенок был еще мал, поэтому просто сидел под порогом, вздыхал да прислушивался, о чем хозяева толкуют. Ведь любопытно же — что там у них происходит! И узнал он, что мужчина

¹ Щекавица — гора близ Киева, названная так в честь одного из основателей города — Щека. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Поляне — древнеславянское племя, обитавшее на Днепре с центром в Киеве.

³ Глуздырь — младенец, глупый маленький ребенок.

и женщина, поставившие избу на отроге горы, были людьми пришлыми, приплывшими по Днепру в Киев из далекого северного Новгорода. А покинули они свою землю потому, что в том далеком Новгороде появился новый правитель, иноземец Рюрик, но против него начались возмущения, вот нынешний хозяин Домовенка и пристал к некоему воеводе, прозывавшемуся Вадим Храбрый. Вскоре отряды Вадима были разбиты Рюриком, и многие из тех, кто стоял за ним, съехали, отправившись искать счастья на чужбине. Вот и хозяева Домовенка, молодые супруги с малым дитем, тоже были из таких.

Домовенок слышал, как хозяин говорил жене:

— Не грусти, родная. Хороший плотник нигде не пропадет, а новгородские плотники и в Киеве слывут лучшими умельцами. Так что будет у нас работа, обустроимся не хуже, чем в Новгороде.

Что хозяин Домовенка был и впрямь умелец, дух дома понял быстро. Он и крылечко возвел со ступеньками, и столбики фигурные вытесал, навес шатровый сколотил, кровлю украсил резным коньком. Нравилось Домовенку по ночам взбираться на этого конька, сидеть на нем, свесив мохнатые лапки. Был собой Домовенок весь такой серый да лохматый, глаза-бусинки из-под косм еле проблескивают, но знал, что со временем станет он походить ликом на своего хозяина, — так уж заведено у домовых, если долго живут с людьми.

И все вроде шло хорошо поначалу — хозяин работал, жена его хлопотала по хозяйству, второй ребеночек у них со временем появился. Но потом приключилась беда.

Принесли хозяина какие-то люди, рассказали плачущей хозяйке, как мужа ее привалило бревном на строительстве терема на Горе Киевской¹. Обнадеживали — отлежится немного да и оклемается.

Однако не сложилось. Стал хиреть и болеть хозяин, кровью кашлять. А там и помер.

¹ Гора Киевская — местность на возвышении, где исстари в Киеве жили люди, самая населенная и защищенная часть града в древние времена.

Домовенок сидел тихой тенью под крылечком, смотрел, как к хозяйке какие-то люди приходят, говорят слова утешительные, снесь всякую несут, чтобы продержалась. Ох и горевала хозяйка, детки ее пищали, плакали! Домовенку все это было страсть как любопытно. Но время шло, и стал Домовенок походить на эту женщину, потому как надо же духу домашнему на хозяев равняться. Не от детей же хозяйских обличье перенимать! Да и помер вскоре младшенький.

К вдовице же новгородца-плотника начали какие-то мужики похаживать да на ночь оставаться. Домовенок все ждал — вот какой-нибудь из них останется насовсем, начнет хозяйством заниматься, дом укреплять. Но опять не сложилось. А потом как-то собрала женщина пожитки в узелок, взяла старшенького своего за руку и, подперев дверь колом, ушла невесть куда. Домовенок ее ждал, вздыхал в тиши. А сколько ждал? Духи о времени понятия не имеют. Но затем начал он волноваться, оттого что сыро в избе, очаг простыл, с потолка капать начало. Плохо в пустом доме. Скучно. Да и без жильцов домовой вовсе сгинуть может.

Но однажды пришли в подзабытый домишко двое каких-то мужичков, поселились, стали хозяйствовать. Корзины плели, на рыбные ловы уходили. Домовенок повеселел с ними. Обликом то на одного, то на другого походил — какая ему разница на кого. Понял, что мужички — братья, да только догадываться стал, что хозяева они не больно рачительные. Крыша вон как текла, так и течет, краска на коньке облупилась. Но Домовенку все равно нравилось сидеть ночами на нем, смотреть на низину Подола, где всегда было шумно и людно, можно было рассмотреть, как в Почайну¹ заходят струги речные, сворачивают широкие паруса. Под отрогом Щекавицы протекал ручей Глубочица, и там порой толпы людей собирались: бабы стирали у мостков, мальчишки с удочками сидели, молодежь сбивалась в стайки, пели, шумели, гонялись друг за дружкой. Интересно люди жили, весело!

¹ Почайна — приток Днепра, служивший в древнем Киеве гаванью для судов.

Но тогда Домовенок еще не подумывал человеком стать. Ему и с братьями не худо жилось, слушал, о чем они меж собой толкуют. Так он узнал, что князьями в Киеве стали Аскольд с Диром, суровые варяги; и собираются они ходить в дальние походы. А позже старший из братьев заявил, что подумывает примкнуть к князьям следующей весной.

Как-то пришел он в дом в воинском облачении — копытный доспех, на голове клепанный островерхий шлем, копье длинное, круглый щит за плечом. Младший на него смотрел с грустью, говорил, что боязно ему за брата, что рискованное дело тот задумал. Но старший настоял. И ушел.

Больше Домовенок о нем ничего не слышал. А младший из братьев со временем грустить стал, одиноко жил, ни с кем не общался. Да и дом совсем запустил. Годы шли, Домовенок на него все больше ликом походить стал — такой же унылый и молчаливый сделался. Даже на коньке посиживать разлюбил. Только когда в Киеве случались большие празднества, немного оживлялся. Знал, что внизу, у Почайны, где располагалось капище Велеса¹, творят большие жертвоприношения, и тогда казалось, что сам Велес незримо везде присутствует. От этого Домовенку хорошо становилось. Совсем не так, как бывало, когда Перуна² на Горе Киевской чествовали, когда грозы шумели и сам Перун проносился по небу на своем ветряном коне. Ох, как же боялся Домовенок Перуна! Громовержец нежить не любит, может и молнию метнуть. Прячется тогда надо!

Хозяин Домовенка на празднества обычно не ходил. Домовенок же узнал как-то от ночного блазня³, что хозяина его никто не любит, оттого и бирюком его зовут. Говорят, что до того, как старший брат его погиб в походе князя Аскольда на Царьград, он еще как-то общался с окрестными жителями,

¹ Велес — одно из главных божеств в славянской мифологии, «скотий бог», т. е. бог живности, богатства, а также покровитель сказителей и творчества, помощник путешественников.

² Перун — божество грома и молний, покровитель славянского воинства, гонитель темных сил.

³ Блазень — призрак, чья-то неуспокоенная душа.